

Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой о послѣднихъ дняхъ и смерти Н. В. Гоголя.

Предлагаемое письмо С. П. Шевырева къ М. Н. Синельниковой, двоюродной сестрѣ Н. В. Гоголя (дочери его родной тетки по матери, Екатерины Ивановны Ходаревской) о послѣднихъ дняхъ жизни знаменитаго писателя, хотя почти не заключаетъ въ себѣ новыхъ свѣдѣній, въ высокой степени интересно особенно въ настоящее время, когда вспоминается его кончина. Копія его находится въ бумагахъ покойнаго Н. Д. Мизко и хранится въ Обществѣ любителей Россійской Словесности. Бумаги эти въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ были пересмотрѣны и разобраны Е. С. Некрасовой, которая и указала намъ мѣстонахожденіе этого чрезвычайно любопытнаго письма.

Какъ видно изъ этого письма, С. П. Шевыревъ обращался къ своей корреспонденткѣ, какъ къ лично знакомой ему особѣ, но близко знать онъ ее не могъ, такъ какъ и самъ Гоголь, жившій большею частью за границей, очень мало зналъ ее. Въ 1842 г. 16-го іюня Гоголь спрашивалъ о ней свою сестру Анну Васильевну: «Оленькѣ» (сестрѣ ихъ Ольгѣ Васильевнѣ, здравствующей понинѣ) «скажи, чтобъ она написала мнѣ, что такое есть въ самомъ дѣлѣ дочь Катерины Ивановны, Марья Николаевна—какихъ качествъ?» ¹⁾. Но во время своего пребыванія въ Васильевкѣ, по возвращеніи въ Россію лѣтомъ 1848 г., Гоголь имѣлъ случай лично узнать М. Н. Синельникову, которую раньше могъ видѣть только дѣвочкой. Съ М. Н. Синельниковой у него была даже потомъ небольшая переписка, на что указываютъ слова его въ письмѣ къ матери отъ 10-го декабря 1848 г., гдѣ читаемъ: «Я къ Марьѣ

¹⁾ „Письма Н. В. Гоголя“, т. II, стр. 183.

Николаевнѣ Синельниковой писалъ и хотѣлъ бы знать, получила ли она письмо» ¹⁾.

И еще разъ встрѣчаемъ въ его перепискѣ упоминаніе о М. Н. Синельниковой: «Совѣтую тебѣ»—говоритъ онъ своей сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ въ письмѣ отъ 3-го октября 1851 (это было собственно письмо къ матери): «если тебѣ ужъ очень соскучится зимой, то совѣтую тебѣ отправиться къ Марьѣ Николаевнѣ» ²⁾.

С. П. Шевыревъ—М. Н. Синельниковой.

Милостивая государыня Марья Николаевна!

Извините меня великодушно, что не отвѣчалъ немедленно на письмо ваше: заботы семейныя, болѣзни дѣтей отвлекли меня. Горестная утрата для всѣхъ насъ, любившихъ Николая Васильевича, была такъ внезапна, что до сихъ поръ намъ трудно опомниться. Считаю святымъ долгомъ исполнить желаніе ваше и передать вамъ все то, что самъ знаю и что узналъ отъ другихъ объ его болѣзни и кончинѣ.

За недѣлю до масленицы Николай Васильевичъ казался совершенно здоровымъ и бодрымъ. Въ теченіе всей зимы я радовался за него, что онъ хорошо выноситъ московскую зиму ³⁾, которой боялся. Нерѣдко обѣдалъ онъ у насъ, послѣ обѣда занимался со мною чтеніемъ корректуръ перваго и втораго тома своихъ сочиненій ⁴⁾, въ которыхъ онъ выправлялъ слогъ, а я правилъ подъ диктовку его. Другіе два тома печатались въ то же время. Въ послѣдній разъ занимались мы съ нимъ этимъ дѣломъ въ четвергъ передъ масленицей. Въ понедѣльникъ на масленицѣ пріѣхалъ онъ ко мнѣ въ пять часовъ вечера, чтобы сказать, что некогда ему теперь заниматься корректурами. Я и жена ⁵⁾ замѣтили пе-

¹⁾ „Письма“, т. IV, стр. 233.

²⁾ Тамъ же, стр. 405.

³⁾ Гоголь былъ глубоко убѣжденъ и говорилъ всѣмъ роднымъ и друзьямъ, что онъ съ трудомъ можетъ переносить сѣверную зиму, вслѣдствіе чего не разъ обращался съ просьбой къ правительству доставить ему возможность „проводить три зимніе мѣсяца въ году въ Греціи или на островахъ Средиземнаго моря“. („Письма Н. В. Гоголя“, т. IV, стр. 341). Зима 1849—1850, проведенная имъ съ Москвѣ, была для него очень тяжела (тамъ же, стр. 350). И въ послѣднюю зиму Гоголь поневолѣ былъ вынужденъ остаться въ Москвѣ: онъ строилъ планъ поѣздки въ Крымъ, но это не удалось (тамъ же, стр. 399). Покойная сестра его Анна Васильевна съ грустью сообщала намъ, что, послѣ тяжелой для ея брата зимы 1849 г., онъ не разъ говаривалъ, что, если ему придется еще зимовать на сѣверѣ, то онъ боится не пережить зимы. „Такъ и случилось!“ прибавляла Анна Васильевна.

⁴⁾ См. соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 11 и слѣд.

⁵⁾ Софья Борисовна Шевырева.

ремѣну въ лицѣ его и спросили, что съ нимъ. Онъ отвѣчалъ, что дурно себя чувствовалъ, и кстатѣ рѣшился попоститься и поговѣть. Я спросилъ его: «зачѣмъ же на масленой?» «Такъ случилось», говоритъ онъ: «вѣдь и теперь Церковь читаетъ уже: «Господи, владыко живота моего!» и поклоны творятся». На другой день, послѣ лекцій моихъ, я поѣхалъ къ нему и засталъ его на отъѣздѣ. Онъ жаловался мнѣ на расстройство желудка и на слишкомъ сильное дѣйствіе лѣкарства, которое ему дали. Я говорилъ ему: «но какъ же ты, нездоровый, выѣзжаешь? Посидѣлъ бы дня три дома, и прошло бы. Вотъ то-то не женать: жена бы не пустила тебя»; онъ улыбнулся этому, и между тѣмъ слова сбылись горькою правдою. Что въ мірѣ, какая дружба можетъ замѣнить отношенія матери, жены, сестры, брата? Имъ принадлежитъ прежде всего наша жизнь и здоровье, и они берегутъ его. Въ среду онъ опять былъ у меня. Казалось, ему лучше: лицо было спокойнѣе, хотя слѣды усталости какой-то были видны на немъ. Я приписывалъ ихъ посту. Въ среду онъ исповѣдывался, въ четвергъ причастился Святыхъ Тайнъ. Это было въ приходѣ у Погодина, въ церкви святаго Саввы Освященнаго, гдѣ живетъ его духовникъ. Вечеромъ онъ пріѣхалъ въ ту же церковь, чтобы отслужить благодарственный (sic) молебенъ. Изъ церкви заѣхалъ къ Погодину, который также замѣтилъ перемѣну въ лицѣ его и спросилъ его о томъ. Онъ вскорѣ уѣхалъ отъ него. Въ пятницу и субботу продолжалъ еще выѣзжать. Въ субботу былъ у Хомяковыхъ вечеромъ. Должно сказать, что смерть жены Хомякова, случившаяся почти внезапно, послѣ кратковременной болѣзни, поразила его очень: это была сестра Языкова, одного изъ лучшихъ друзей его ¹⁾. Вѣроятно, это событіе произвело въ немъ потрясеніе душевное. Между тѣмъ, какъ узнали мы послѣ, большую часть ночей проводилъ онъ въ молитвѣ, безъ сна. Въ одну изъ такихъ ночей, съ пятницы на субботу, молясь на колѣняхъ передъ образомъ, онъ услышалъ голоса, говорившіе ему, что онъ умретъ. Въ душевной тревогѣ онъ разбудилъ своего человѣка и послалъ его поскорѣе за священникомъ съ просьбой соборовать его масломъ. Когда священникъ пришелъ, онъ ужъ былъ спокойнѣе, извинился, что потревожилъ его, и отложилъ до другаго дня совершеніе таинства. Такая ночь не помѣшала ему быть на другой день у Хомякова.

Съ первой недѣли поста онъ пересталъ выѣзжать. Хозяева дома, графъ и графиня Толстые ²⁾, говѣли. Служба совершалась у нихъ дома.

¹⁾ Екатерина Михайловна Хомякова была родная сестра поэта Николая Михайловича Языкова.

²⁾ Графъ Александръ Петровичъ и графиня Анна Егоровна, у которыхъ жилъ тогда Н. В. Гоголь (на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Талызина, нынѣ графини Шереметевой).

Онъ всякій разъ ходилъ на службу, слушалъ ее стоя и усердно молился. Графиня, видя, что это утомляетъ его, прекратила говѣнье. Мысль о смерти его не оставляла. Еще, кажется, въ первый понедѣльникъ ¹⁾ онъ позвалъ къ себѣ графа Толстаго и просилъ его взять къ себѣ его бумаги, а по смерти его, отвезти ихъ къ митрополиту и просить его совѣта о томъ, что напечатать и чего не напечатать. Графъ не принялъ отъ него бумагъ, опасаясь тѣмъ утвердить его въ ужасной мысли, его одолевавшей. Съ понедѣльника на вторникъ ночью онъ молился до трехъ часовъ на колѣняхъ предъ иконою.

Къ тремъ часамъ ночи разбудилъ мальчика своего Семена. Спросилъ его: холоднѣе ли въ той комнатѣ, гдѣ онъ обыкновенно занимался? Мальчикъ отвѣтилъ, что гораздо холоднѣе. Не послушался онъ убѣжденій его, чтобы лечь спать; одѣлся въ теплый плащъ; взялъ свѣчу и пошелъ въ кабинетъ, велѣлъ мальчику слѣдовать за собою, останавливался во всѣхъ комнатахъ и крестился. Пришедши въ кабинетъ, велѣлъ мальчику открыть трубу, но такъ осторожно, чтобы не разбудить ни одного человѣка. Между тѣмъ перебиралъ свои бумаги: нѣкоторые откладывалъ въ портфель, другія обрекалъ на сожженіе. Эти послѣднія велѣлъ мальчику связать трубкою и положить въ каминъ. Семенъ бросился на колѣни передъ нимъ и слезно убѣждалъ его не жечь ихъ, говоря ему, что онъ будетъ сожалѣть о нихъ, когда выздоровѣетъ. «Не твое дѣло!» отвѣчалъ онъ. Самъ зажегъ бумаги. Когда обгорѣли углы, огонь сталъ потухать. Мальчикъ обрадовался. Но Николай Васильевичъ замѣтилъ это, велѣлъ развязать связку, еще подложить огня и ворочалъ бумаги до тѣхъ поръ, пока онѣ не превратились въ пепелъ. Въ продолженіе всего сожженія онъ крестился.

По окончаніи дѣла, отъ изнеможенія опустился въ кресло. Мальчикъ плакалъ и говорилъ: «что вы это сдѣлали?» «Тебѣ жаль меня», сказалъ ему, обнявъ его, поцѣловалъ и заплакалъ самъ. Крестясь попрежнему, возвратился онъ въ спальню, легъ на постель и горько заплакалъ. Поутру рано узналъ о происшедшемъ графъ Толстой и пришелъ къ нему. Онъ сознался ему въ томъ, что сдѣлалъ, и говорилъ о томъ съ раскаяніемъ, приписывая это дѣло вліянію нечистаго духа. «Хитеръ лукавый!» говорилъ онъ: «я хотѣлъ сжечь однѣ только ненужныя бумаги, и вмѣсто того сжегъ и нужныя». Тутъ выговорилъ онъ графу, зачѣмъ онъ не взялъ у него бумагъ по его просьбѣ. Изъ подробностей видно, что онъ сжегъ второй томъ «Мертвыхъ Душъ». Намѣреніемъ было у него раздать по главѣ каждому изъ друзей его. Кажется, сожжено также и объясненіе на Литургію. Изъ втораго тома онъ

¹⁾ Т. е. въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ поста (Гоголь скончался на второй недѣлѣ).

читалъ мнѣ лѣтомъ, живучи у меня на дачѣ, около Москвы, семь главъ ¹⁾). Онъ читалъ ихъ, можно сказать, наизусть по написанной канвѣ, держа окончателъную отдѣлку въ головѣ своей. Изъ объясненія на литургію онъ читалъ мнѣ начало передъ отъѣздомъ на родину, куда не доѣхалъ. Обо всѣхъ подробностяхъ сожженія узнали уже послѣ его кончины.

Это событіе поразило всю Москву, и можно сказать, уже всю Россію. Бумаги его до сихъ поръ не открыты. Чтѣ осталось въ нихъ, еще не извѣстно.

Портфель съ ними онъ держалъ при себѣ до смерти. На первой недѣлѣ поста я въ рѣдкій день не навѣщалъ его. Но онъ тяготился моимъ присутствіемъ и всѣхъ друзей своихъ допускалъ на нѣсколько минутъ и потомъ отзывался сномъ, что ему дремлетъ, что онъ говорить не можетъ. Въ положеніи его, мнѣ казалось, болѣе хандры, нежели дѣйствительной болѣзни.

Докторъ Иноземцевъ опредѣлилъ состояніе его катарральнымъ и не находилъ въ немъ ничего важнаго.

Впрочемъ, Николай Васильевичъ отвергалъ всякое медицинское пособіе и врачу не вѣрилъ. Тутъ изъ разспросовъ слуги я въ первый разъ узналъ, что онъ лѣчился въ домѣ и каждое утро обвертывался мокрой простынею. Такъ было въ декабрѣ и генварѣ мѣсяцѣ. Онъ никогда не говорилъ мнѣ о томъ. Лѣченіе это было прервано. Потомъ возобновилъ его опять, но, обернувшись простынею, не согрѣвался. Видно, сильная простуда проникла въ него и произвела первую горячку. Такое лѣченіе было совсѣмъ не по его слабому сложенію. Я думаю, въ немъ заключалась главная причина его болѣзни. Когда я его разспрашивалъ о томъ, онъ сказалъ мнѣ, что лѣченіе освѣжило его силы и онъ чувствовалъ себя бодрѣе, но, конечно, это была искусственная бодрость. Онъ почти не хотѣлъ говорить о своей болѣзни; сказалъ мнѣ, что его постигла болѣзнь та самая, отъ которой умеръ отецъ его ²⁾, что нашель

¹⁾ Эти слова подтверждаютъ справедливость нашего заключенія, что въ письмѣ своемъ къ Шевыреву отъ іюля 1851 г. („Письма“, т. IV, стр. 393) Гоголь подъ словами: „Послѣднія главы втораго тома“ разумѣлъ не в а к л ю ч и т е л ь н ы я, какъ полагалъ Н. С. Тихонравовъ (Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 574, гдѣ сказано: „Изъ записокъ Шевырева видно, что двѣ послѣднія главы втораго тома „Мертвыхъ Душъ“ были настолько отдѣланы, что Гоголь рѣшился прочесть ихъ Шевыреву“), а послѣднія изъ написанныхъ (см. „Письма Гоголя“ т. IV, стр. 393, примѣч. 2-е, „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. IV, стр. 912, и Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 68).

²⁾ Гоголю и раньше верѣдво приходила мысль о сравненіи своего сложенія и недуговъ съ сложеніемъ и недугами его отца. Такъ въ письмѣ къ Н. М. Языкову отъ 5-го іюня 1845 г. („Письма“, т. III, стр. 64) онъ говорилъ: „Отецъ мой былъ также сложенія слабаго и умеръ рано, угаснувши недостаткомъ собственныхъ силъ своихъ“ и проч.

на его (sic) страхъ смерти, но что отецъ Матвѣй, Ржевскій священникъ, котораго онъ очень уважалъ, успокоилъ его. Я засталъ его съ молитвенникомъ въ рукахъ; говорилъ ему, что онъ напрасно напрягаетъ умственныя силы на молитву, что такая молитва требуетъ силъ тѣлесныхъ, что для больнаго довольно призванія имени Иисуса Христа. Но видно было, что весь онъ погруженъ былъ въ молитву, готовая торжественно къ переходу въ вѣчность.

Семенъ говорилъ мнѣ, что онъ ѣсть очень мало, отказывается отъ всякой пищи и не принимаетъ бульону.

Я убѣждалъ его именемъ всѣхъ его любящихъ принять пищу, которая могла бы подкрѣпить его. Я говорилъ ему, что постъ — есть великая продолжительная наука, что намъ невозможно отъ обыкновенной сытной пищи вдругъ переходить къ воздержанію великихъ подвижниковъ церкви; что покушенія — самоубійство. Въ тотъ самый день, какъ приобрѣлся онъ Святыхъ Тайнъ, я былъ у него, и со слезами, на колѣняхъ, молилъ его о томъ, но онъ какъ будто оскорбился такою просьбою; увѣрялъ меня, что ѣсть весьма довольно. Между тѣмъ врачей онъ не хотѣлъ. Иноземцевъ самъ занемогъ въ это время. Я предлагалъ ему привезти Варвинскаго. Но онъ не захотѣлъ никого. Въ послѣдніе дни былъ при немъ знаменитый Оверъ и другіе, но уже всѣ усилія медицины были напрасны. Ни въ субботу, ни въ воскресенье на второй недѣлѣ положеніе его не было опаснымъ. Я видѣлся съ графомъ Толстымъ и говорилъ съ нимъ о его состояніи. Графъ былъ спокоенъ и все болѣе и болѣе приписывалъ хандрѣ его. Въ понедѣльникъ утромъ я долженъ былъ до четырехъ часовъ провести время въ университетѣ. Послѣ обѣда вечеромъ готовился я къ лекціямъ; но вдругъ прѣзжаетъ ко мнѣ Павловъ ¹⁾ и говоритъ, что Николай Васильевичъ утромъ соборовался елеемъ и что положеніе его находятъ безнадежнымъ. Пораженный какъ громомъ, я поѣхалъ къ нему въ девятомъ часу. Домъ былъ въ тревогѣ. Графъ съ разстроеннымъ лицомъ сказалъ, что надежды нѣтъ.

Утромъ больной снова исповѣдывался, приобрѣлся Святыхъ Тайнъ и соборовался елеемъ, въ полной памяти, въ присутствіи всѣхъ умственныхъ силъ своихъ, съ сокрушеніемъ полного молитвой сердца, съ теплыми слезами. Вечеромъ положеніе его стало очень трудно; при немъ былъ и духовникъ его, и приходскій священникъ, котораго онъ очень уважалъ. Онъ убѣждалъ его принять медицинское пособіе, необходимое по совѣту докторовъ, но онъ не соглашался и, разъ, согласившись, со стономъ закричалъ: «не мучьте меня!» Мы были съ Погодинымъ около его комнаты. Графъ не впускалъ къ нему насъ, боясь

¹⁾ Николай Филипповичъ, извѣстный литераторъ.

испугать его появленіемъ многихъ лицъ. До одиннадцати часовъ почти пробылъ я у него и оставилъ спокойно заснувшимъ. Но самъ отъ сильной тревоги и отъ поздняго выѣзда простудился, занемогъ, легъ въ постель и весь горестный исходъ узналъ послѣ.

Въ послѣдніе дни онъ имѣлъ еще силы писать хотя дрожащею рукою. На длинныхъ бумажкахъ писалъ онъ большими буквами: «Аще не будете малы, яко дѣти, не увидите въ Царствіе Небесное!» Потомъ молитву Иисусу Христу противъ сатаны, чтобы Иисусъ Христосъ связалъ его неисповѣдимою силою креста Своего. Послѣднія слова, написанныя имъ, были: «какъ поступить, чтобы признательно, благодарно и вѣчно помнить въ сердцѣ полученный урокъ?»¹⁾ Къ чему относились эти слова—это осталось тайной.

Всѣ медицинскія пособія, ванны, пѣвки и проч. только нарушали спокойствіе послѣднихъ минутъ его. Онъ со стономъ подчинялся имъ и все просилъ, чтобы оставили его въ покоѣ. Однимъ изъ послѣднихъ словъ, сказанныхъ имъ еще въ полномъ сознаніи, были слова: «какъ сладко умирать!»

Послѣднюю ночь онъ былъ уже въ безпамятствѣ, не узнавалъ къ нему подходившихъ, бредилъ, дышалъ усиленно. Къ утру дыханіе стало рѣже. Въ четвергъ, 21-го февраля, въ восемь часовъ утра не стало нашего незабвеннаго друга и великаго художника. Печаль Москвы была всеобща. Плачь окружалъ его гробъ. Молодежь Москвы вся была проникнута живой скорбію, и на рукахъ своихъ отнесли его до могилы. Многія извѣстные лица Москвы шли за гробомъ до самаго кладбища. Собрана значительная подписка на надгробный памятникъ. Много портретовъ его вышло въ свѣтъ. Если желаете имѣть лучшіе, я могу прислать ихъ.

Сороковой день его кончины пришелся замѣчательнымъ образомъ на второй день Пасхи въ понедѣльникъ. Онъ такъ любилъ праздникъ Воскресенья, такъ глубоко понималъ его, и послѣднее его печатное слово было посвящено этому празднику²⁾.

Друзья и цѣнители покойнаго собрались въ Даниловъ монастырь. Тамъ отслужили заупокойную обѣдню и панихиду по душѣ его. Утѣшеніемъ было въ нашемъ горѣ—слышать воскресный колоколъ вмѣстѣ съ заупокойнымъ пѣніемъ. На могилѣ его, убранный зеленью и цвѣтами среди свѣга, мы слышали: «Христосъ воскрес!» Послѣ панихиды предложена была трапеза шестидесяти бѣднымъ и монашествующей братіи. Мы собрались въ кельяхъ архимандрита и передъ своею

¹⁾ Ср. „Письма“, т. IV, стр. 426—427 и Соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 454 и 804.

²⁾ Шевыревъ разумѣетъ здѣсь статью „Свѣтлый праздникъ“ въ „Перепискѣ съ друзьями“.

трапезою прочли его: «Свѣтлое Воскресеніе», которое всѣхъ тронуло до слезъ. Во время обѣда мысль сосредоточивалась на немъ; говорили о томъ, какой надгробный памятникъ поставить ему. Это будетъ крестъ на гранитномъ камнѣ. Двѣ надписи встрѣтили всеобщее сочувствіе. Одна относится къ нему, какъ къ писателю, и взята изъ пророка Іереміи: «Горькимъ словомъ моимъ посмѣюсь». Другая относится къ любимымъ мыслямъ послѣдняго десятилѣтія его жизни. Въ ней выражается сосредоточіе всѣхъ его мыслей: «Ей, гряди, Господи Іисусе!» Помины проходили въ замѣчательный день: 30-го марта, по преданію Церкви, было распятіе Спасителя. Съ 31-го марта на первое апрѣля совершилось воскресеніе. 31-го марта мы поминали его.

Въ заключеніе моего плачевнаго разсказа позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ моею покорнѣйшей просьбой. Я полагаю бы написать біографію Николая Васильевича; кромѣ моего желанія собственнаго, Академія возложила на меня это порученіе. Вы можете мнѣ много содѣйствовать къ совершенію этого труда сообщеніемъ семейныхъ подробностей о покойномъ. Мы не знаемъ даже годъ его рожденія. Отъ васъ я буду ожидать этихъ свѣдѣній и прошу васъ о томъ всепокорнѣйше. День его рожденія 17-го генваря¹⁾. Я узналъ это въ Римѣ. Все, что относится къ его дѣтству въ домѣ родителей и въ семьѣ его, все это желательнѣе собрать, и позвольте мнѣ надѣяться, что вы это на себя примете и сообщите мнѣ. Къ числу главныхъ матеріаловъ послѣдняго десятилѣтія его жизни принадлежатъ его письма. Если можете, соберите мнѣ тѣ, которыя онъ писалъ вамъ²⁾ и къ другимъ роднымъ своимъ, или, по крайней мѣрѣ, замѣчательные отрывки изъ нихъ. Этимъ много меня обяжете. Всего бы лучше—самыя письма; я бы списалъ съ нихъ копии и возвратилъ бы обратно съ благодарностью. Изъ писемъ его я могъ бы составить еще томъ къ его сочиненіямъ. Не хранятся ли гдѣ-нибудь у родныхъ его черновыя тетради его (sic) «Мертвыхъ Душъ» или другихъ сочиненій. Это было бы сокровище! Изданіе сочиненій его покаместъ остановилось. Для продолженія нужны два условія: разрѣшеніе высочайшее и довѣренность его наслѣдниковъ. Я радъ служить семейству покойнаго моего друга своими трудами, какъ служилъ ему въ изданіяхъ его.

Памятны мнѣ слова, сказанныя покойнымъ передъ гробомъ Хомяковой, у котораго собрались мы для слушанія панихиды: «Ничто не можетъ быть торжественнѣе смерти. Жизнь не была бы такъ прекрасна,

¹⁾ Это была ошибка. День рожденія Гоголя въ Римѣ праздновали также 27-го декабря. См. „Воспомнанія о Шевыревѣ“ М. П. Погодина и „Матеріалы для біографіи“, т. III, стр. 267.

²⁾ Письма Гоголя къ М. Н. Синельниковой, кажется, не сохранились, да ихъ и могло быть очень немного.

если бы не было смерти». Тогда, погруженный весь въ молитву, онъ готовился совершить этотъ переходъ въ вѣчность и совершилъ его какъ истинный христiанинъ и какъ вѣрный сынъ Церкви... Съ покойнаго сняли маску. Лицо его носитъ слѣды тяжелыхъ страданiй болѣзни, но изъ этихъ страданiй свѣтитъ добрая его улыбка и выраженiе его предсмертныхъ словъ: «Какъ сладко умирать!»

Примите, милостивая государыня, чувство моего глубочайшаго почтенiя и преданности, съ коими имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Степанъ Шевыревъ. Москва, 2-го апрѣля 1852 г.

Сообщилъ В. И. Шенрокъ.

